

Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах: Матер. Междунар. науч. конф. – Гомель: Изд-во ГГУ, 2001. – С. 276-280.

Смирнова, Т. А. Фразеологическая картина мира русского и украинского языков (на материале соматических фразеологизмов) / Т. А. Смирнова // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» – Симферополь: Изд-во ТНУ, 2011. – Том 24 (63). – № 2. – Часть 1. – С. 203-208.

Чой, Юн Хи Проблемы сопоставления внутренней формы фразеологизмов (на примере соматических фразеологических единиц, образованных на основе слова «глаз» в русском и корейском языках) / Чой Юн Хи // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2001. – Вып. 16. – С. 37-49.

Summary. The article deals with the basic techniques of author's individual conversion of idioms which include somatism as a component in the poetry of Bella Akhmadulina.

Стручалина Г. В., Чумак-Жунь И. И.
КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ
КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ¹

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
chumak@bsu.edu.ru

Фразеологизмы в современной лингвистике рассматриваются как с позиций традиционной лингвистической парадигмы, так и с актуальных сегодня когнитивных позиций, на которые мы ориентируемся в работе.

Зарождаясь и развиваясь, человеческий язык служил целям передачи максимально полной информации об окружающей действительности от одного индивида другому. При этом трансляция информации должна была удовлетворять таким требованиям, как краткость, емкость и доступность. Емко передать словами бесконечно сложную и многомерную действительность (т. е. осуществить компрессию и декомпрессию информации) позволил древнейший механизм сравнения, выражения неизвестного через известное, механизм метафоры (когнитивной в первую очередь, по цели своего применения).

Замещающие какую-либо ситуацию лексические единицы осознаются собеседниками как «точные» или «неточные» эквиваленты предмета или явления. В первом случае в лингвистике говорят о внутренней форме (обычно имея в виду сферу номинации), во втором – о поэтической метафоре (и более широко – о тропах, образной речи). Это разделение представляется нам весьма условным и служащим, в первую очередь, определённым задачам структурирования. Так как любые жёсткие границы, даже проведённые с самыми благими целями упорядочения, в определённый момент начинают ограничивать познание, мы (в экспериментальном режиме и кратковременно) снимем противопоставление «обычной» и «поэтической» речи.

Передать ситуацию можно и одним словом (в момент опасности, например), но очевидно, что сфера применения таких лексических единиц ограничена. Невозможно и постоянно производить новые слова для всех возможных коммуникативных ситуаций. Экономно обходиться с языковыми ресурсами позволяет удачное в коммуникативном плане сочетание, которое повторяется и закрепляется в коллективном сознании до такой степени автоматизма, что употребляется бессознательно как единственный уместный вариант лексической сочетаемости. Обрастая культурными ассоциациями, это сочетание нескольких слов на определённом этапе срастается настолько, что может быть использовано как номинация для другой ситуации, другого явления, т. е. как фразеологизм. Поясним нашу мысль на примере.

Колокол – древнее слово, имеющее по оценкам лингвистов-этимологов несколько вариантов происхождения. Можно предположить, что все эти варианты сосуществуют в этимологических словарях до сих пор, так как каждый из них содержит убедительную мотивацию внутренней формы. В соответствии со словарем М. Р. Фасмера: «колоколукр. тивацию внутренней формы. В соответствии со словарем М. Р. Фасмера: «колоколукр. колокол, род.п. колоколу, цслав. клаколь, полаб. kluoküöl – то же. Праслав. *kolkoľь, веро-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» № 633662011.

ятно, родственно лит. *kaĩkalas* (из **kalkalas*), далее др.-инд. *kalakalas* "беспорядочные крики, шум", греч. *καλέω* 'зову', лат. *calāre* 'созывать, восклицать', греч. *κέλαδος* 'шум', д.-в.-н. *hellan* 'звучать'; см. Бернекер 1, 547; Сольмсен, РВВ 27, 364 и сл.; Эндзелин, СБЭ 196; Мейе–Эрну 156 и сл. С другой стороны, носовой согласный лит. слова соответствует др.-инд. *kañkaṇas*, -am 'обруч, кольцеобразное украшение', *kañkaṇī* – то же, а также лит. *kaĩklys*, *kaĩkles* 'гусли', *kaĩklaĩ*; см. Гуйер, LF 35, 220 и сл.; Мейе, Ét. 229. Русск. *колокол* 'головной убор странника' (в былинах), возм., сблизилось с этим словом только в результате народн. этимологии и продолжает ср.-греч. *κουκούλλι(ον)*; ср. Фасмер, Сб. Потанину 45 и сл. Ср. также шляпка земли греческой» (М. Фасмер).

Очевидно, что слово возникло в древнюю эпоху (древнейшим найденным колоколам несколько тысяч лет) и заимствовалось, фонетически изменялось в каждой местности, где приживался этот сигнальный инструмент. Возможно, что заимствованное название в каждой местности переживало этап адаптации, перехода в «народную этимологию», объяснявшую происхождение звукоподражанием или метафорической номинацией по одному из признаков (звучание, призыв, круглая форма и т. д.).

В русской культуре колокол имеет сакральное значение, находящееся на границе христианского и языческого миропредставлений. Части колокола имеют номинацию, тождественную номинации органов живых существ, в том числе и человека: *плечи, уши, язык*.

Колокола издавна проходили обряд инициации – освящения и наречения именем («Сысой», «Красный», «Лебедь», «Медведь» и др.). В средние века на Руси колокол мог подвергнуться наказанию, применяемому к преступникам: публичной порке, вырыванию языка, отрубанию уха, ссылке. Именно так поступил с колоколом Углича, возвестившим о смерти царевича Димитрия, Борис Годунов. Возвратить колокол из тобольской ссылки жителям города удалось лишь в конце XIX века.

Традиционно для обозначения действий, объектом которых становятся колокола, используются глаголы *звонить*, *бить* и *лить* (мы не рассматриваем глаголы типа *купить*, *продать*, *услышать*, *увидеть* и т. п., поскольку они не содержат в себе косвенной информации о предмете, а лишь указывают на действие, связанное с ним). *Лить* отражает центральный этап многоступенчатого процесса изготовления колоколов: перемещение раскалённого до жидкого состояния сплава в готовую форму.

Звонить по своему происхождению относится к звукоподражательным глаголам, и в прямом своём значении ('производить ясный звук') сочетается с ограниченным рядом существительных. *Звонить* и *звенеть* могут предметы из металла, керамики, стекла, но не дерева или, например, пластика. Заметим, что первый глагол в качестве смысловой доминанты имеет значение 'использовать определённый сигнал для коммуникации', а второй глагол (*звенеть*) сообщает о признаке ряда предметов, изделий из металла, фарфора, глины, стекла, хрусталя, которые потенциально могут издавать характерный звук, и этот их признак проявляется в конкретной ситуации, описываемой говорящим (ср. *прозвенел звонок; от подземных толчков в домах звенели посуда, люстры, стёкла в окнах; но: он позвонил мне*). Глагол *звонить* подразумевает присутствие в тексте или контексте субъекта, сообщающего новость или, обобщая, некую информацию. Глагол *звенеть* подразумевает наличие объекта, издающего звон. Обобщая наши наблюдения, можно сказать, что глаголы, имеющие древний корень, разошлись в более поздний период своего существования и стали обозначать разные жизненные ситуации, благодаря сочетанию с разными частями речи и семантическими группами слов. Такая устойчивая сочетаемость, не всегда осознаваемая носителями языка, тем не менее, содержит латентный уровень информации о материале, из которого создан тот или иной предмет, а в случае с колоколом – о материале в его родовом значении, как единственно пригодном для изготовления таких инструментов, а также о субъектно-объектных отношениях, которые могут быть классифицированы как типовые модели отношений. И здесь, нам думается, можно говорить не о языковой картине мира конкретно русского народа, а о панязыковой картине мира, в которой существует множество вариантов отражения в языке некоторого количества отношений и связей между предметами и явлениями, и это количество ограничивается мышлением современного человека.

Глагол *бить*, т. е. 'наносить сильные и резкие удары', обладает отрицательной коннотацией и сочетается со словом *колокол* в случае, если говорящий подчёркивает, что приходилось прикладывать усилия для извлечения звука из колокола, но чаще в переносном значении: 'сообщать о тревожной ситуации' (войне, пожаре, стихийном бедствии,

беспорядках и т. п.). Бой в колокола, в отличие от праздничного трезвона или похоронного перебора, на Руси применялся в моменты опасности; нередко на колокольню забирался не профессиональный звонарь, владевший мастерством и символикой звонов, а простой горожанин или селянин, оказавшийся в критическую минуту поблизости.

Ограниченный ряд глаголов, сочетающихся со словом колокол, сформировал устойчивые выражения, которые стали употребляться в переносном значении: (раз)звонить во все колокола – разглашать, широко уведомлять общественность, повсюду обсуждать какую-либо новость; бить во все колокола – обращать всеобщее внимание на какую-либо опасность, поднимать тревогу.

Заметим, что местоимение все определяет в данных выражениях их переносное значение и служит грамматическим признаком «сросшейся» конструкции, выражения бить в колокола и звонить в колокола, в строгом смысле, не являются фразеологизмами и могут использоваться в роли таковых лишь в том случае, когда говорящий сознательно сокращает выражение, приводит его не полностью. Косвенным показателем неделимой структуры и переносного значения является также и множественная форма имени существительного (ср.: звонить во все колокола – звонить в колокол – по ком звонит колокол). С точки зрения стилистики, местоимение все здесь является инструментом гиперболизации образа.

Фразеологизм (раз)звонить во все колокола соотносится с понятием новости, фразеологизм бить во все колокола – с понятием опасности. Определяющим дифференциацию в данном случае является глагол, адресующий нас к определённой исторической ситуации, связанной с колоколом (см. выше). Для человека, не знакомого с историей, не обладающего запасом ассоциаций в этой области, например, для маленького ребёнка, фразеологизмы различимы через ряд ассоциаций, связанных с глаголами: звонить – дверной звонок сообщает о госте, звонок телефона – о новостях; в любом случае, это что-то новое, интересное, явление, к которому привлекается внимание. Слово бить связано с причинением боли, насилия, ощущением страха, тревоги, это слово с негативной окраской.

Таким образом, мы наблюдаем формы существования когнитивной метафоры, которая способствует переходу одних языковых единиц в другие: фонемы группируются в звукоподражательные лексемы (лексемы-корни, как например, в современных изолирующих языках); лексемы-корни на определённом этапе и при определённых условиях, заложенных в строе языка, могут трансформироваться в лексемы с развитой структурой (суффиксами, префиксами, флексиями, в изолирующих языках – в лексемы со служебными словами и устойчивые сочетания лексем). Частотные сочетания лексем порождают в некоторых случаях появления фразеологизмов, переносящих всю накопленную семантическую информацию прежних уровней, и уже ощущаемую носителями языка как латентную, а не явную, в новый контекст, в новую ситуацию. В этой ситуации фразеологизм также может в семантическом отношении функционировать как лексема, средство номинации определённой ситуации (а не конкретного предмета, действия, признака, состояния). Следовательно, когнитивная метафора является не только способом познания мира и передачи информации о нём, инструментом словообразования, но и «вечным двигателем» языковых процессов и эволюции.

Литература

- Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – I – XV – 896 с.
- Крылов, Г. А. Этимологический словарь русского языка. – СПб.: ООО «Виктория плюс». 2004. Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/колокол/правописание/>
- Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387-415. Режим доступа: <http://www.irs.ru/~alshev/lakoff.htm>
- Фасмер, М. Р. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1964–1973. Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/колокол/правописание/>
- Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель, АСТ, 2008. Режим доступа: <http://phraseology.academic.ru>

Summary. The article is dedicated to the problem of conceptual metaphor (cognitive metaphor) and demonstrates its role in the process of evolution of the word: from the onomatopoeia to the idiom.